

Ф. М. БЕРЕЗИН

## РУССКОЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ В АКАДЕМИИ НАУК

В принятом ЦК КПСС постановлении «О 250-летнем юбилее Академии наук СССР» отмечается, что создание Академии явилось крупным событием в истории развития науки, образования и культуры нашей страны. С деятельностью Академии многое связано в летописи нашей Родины и в истории мировой науки. Будучи центром исследований в ведущих отраслях знания, Академия и ее члены прославили отечеству выдающимися научными достижениями.

Советские ученые, отмечая юбилей Академии наук как смотр достижений советской науки, вместе с тем подводят итог деятельности Академии за предшествующий период, воздают должное тем ее членам, которые, работая без широкой государственной и общественной поддержки, не только добились выдающихся научных достижений, но и создали новые направления в различных областях науки и техники.

К числу таких направлений относится и теоретическое языкознание в России, представители которого в своих трудах добыли и обобщили много фактического материала, выдвинули ряд положений, которые представляют собой не только исторический интерес, но влияние которых продолжает ощущаться и на современном состоянии науки о языке.

При анализе лингвотеоретического наследия выдающихся русских языковедов могут быть установлены общие принципы, определяемые их мировоззрением. Эти мировоззренческие взгляды, детерминированные уровнем развития философских и социологических идей соответствующего периода, отразились прежде всего на определении самой сущности науки о языке, на понимании отношения языка и общества.

Начиная с деятельности М. В. Ломоносова, первого русского академика, который не только стоял на уровне тогдашней науки, но в ряде случаев во многом определил ее развитие, характерной особенностью русского языкознания в освещении общезыковедческой проблематики была ее философская направленность, идея материального единства мира.

Не занимаясь специально философией, Ломоносов постоянно стремился к широкому философским обобщениям, и его труды положили начало русской материалистической философии. На естественнонаучной базе материализма были основаны его работы по натурфилософии, т. е. учении о материи, движении и их законов. Натурфилософский подход к языку в филологических работах Ломоносова во многом определил дальнейшее развитие лингвистической мысли в России. Характерной особенностью этого подхода было прежде всего синтетическое понимание языкознания как науки. Язык рассматривается Ломоносовым как органически цельное явление во всех своих аспектах: в строении, функционально (язык служит «для сообщения с другими своих мыслей»<sup>1</sup>) и он нужен «для согласного общих дел течения»<sup>1</sup>) и исторически («так-то не вдруг переменяются языки! Так-то непостоянно!»<sup>2</sup>).

<sup>1</sup> М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., 7, М.—Л., 1952, стр. 394.

<sup>2</sup> Там же, стр. 658.

В материалистических взглядах Ломоносова применительно к языку следует выделить принцип историзма. Он не только говорит о развитии языка вообще, но и намечает последовательность такого развития. Важность этих замечаний Ломоносова легко понять, если иметь в виду, что метафизическая наука того времени отстаивала представление об абсолютной неизменчивости явлений природы.

В своем синтетическом подходе к языку Ломоносов не допускал разрыва между уровнем эмпирического наблюдения и уровнем интерпретации, раскрытия существенных свойств языка, ибо синтез для него обязательно предполагал предварительный анализ, вскрывающий всю сложность такого явления, каким является язык. Его обширные «Материалы к трудам по филологии» (1744—1757) содержат огромное количество конкретных примеров из русского языка, отличаются тонкостью грамматических наблюдений.

Синтетико-аналитические приемы исследования, философская проблема взаимоотношения языка и мышления, принцип историзма в развитии языка — все это придает лингвистической концепции Ломоносова цельный характер; ее фундаментальные положения тесно взаимосвязаны и должны рассматриваться в этой взаимосвязи.

Автор фундаментальной академической нормативной грамматики русского языка, реформатор в области теории и практики стиха, основоположник сравнительно-исторического языкознания, — Ломоносов не только стоял на уровне тогдашней науки, но и до сих пор продолжает оказывать влияние на ход развития отечественного языкознания. Ломоносовский призыв употреблять при изучении явлений языка «общефилософское понятие о человеческом слове», которое открывает «безмерно широкое поле или лучше сказать едва пределы имеющее море»<sup>3</sup>, в той или иной мере дает себя знать почти у каждого русского языковеда.

Для Ломоносова характерным был генетический подход к языку, вернее, генетическая интерпретация языковых фактов. В рапорте о своих трудах за 1755 г. Ломоносов упоминает, что «сочинил письмо о сходстве и переменах языков», «о сродных языках российскому и о нынешних диалектах». А в росписи трудов за 1764 г. Ломоносов добавляет, что им «собраны речи разных языков, между собой сходные»<sup>4</sup>. В черновых материалах к «Российской грамматике» Ломоносов говорит о языках сродственных, куда он относит языки русский, греческий, латинские, немецкий и подтверждает их родство этимологически надежным сравнением числительных от одного до десяти, и языках неродственных, включающих в себя языки финский, мексиканский и китайский. Он же четко устанавливал семью славянских языков, предугадывая деление их на юго-восточную и северо-западную группы, отмечая большое сходство русского языка с «живущими за Дунаем народами словенского поколения»<sup>5</sup>.

Связанная со времени своего появления с именем Ломоносова сравнительно-историческая проблематика первоначально включала в себя изучение родственных отношений русского языка с другими языками, причем попытки установления таких отношений основывались в большинстве случаев на этимологически надежном языковом материале.

Принцип историзма был развит акад. А. Х. Востоковым, для которого идея языковой закономерности проявлялась в звуковых соответствиях между различными этапами в развитии языка. Ориентированная на генетическое объяснение языковых явлений, лингвистическая система Востоко-

<sup>3</sup> Там же, стр. 394.

<sup>4</sup> Там же, стр. 944.

<sup>5</sup> Там же, стр. 590.

ва утверждала в качестве строго научной только историческую грамматику. Генетические связи Востоков устанавливал, прежде всего, между звуковыми единицами, и на основе этих связей он делал выводы методологического характера. Так, используя результаты сравнительно-исторического анализа звукового состава славянских языков, в частности анализа юсов, Востоков попытался не только определить особенности взаимоотношения славянских языков между собой и различную степень их близости к общеславянскому литературному языку, но и выдвинул идею восстановления праславянского языка путем сравнения сохранившихся славянских диалектов. В этом исследовании Востоков показал, что церковнославянский язык занимает такое же место в славянском языкознании, какое санскрит — в индоевропейском. Определив особенности церковнославянского, его место в системе других славянских языков, Востоков фактически пришел к утверждению, что церковнославянский язык является тем связующим звеном, который соединяет славянские языки с другими индоевропейскими.

Глубокая интерпретация фактов языка позволила Востокову перейти к широкому обобщению, к постановке важных лингвистических проблем, особенно в «Сокращенной русской грамматике для употребления в низших учебных заведениях» (1831) и «Русской грамматике, по начертанию сокращенной грамматики полнее изложенной» (1831). В последней работе он выступает против господствовавшего тогда формально-логического подхода к рассмотрению грамматических явлений. Востоков впервые в истории синтаксических учений устанавливает, что для русского языка характерным является преобладание двучленного построения предложения. Установление этого факта не могло не отразиться на объяснении категории глагола, а также кратких форм имен прилагательных и предикативных наречий.

30—60-е годы XIX в. в истории Академии наук характеризуются постановкой крупных теоретических проблем. В этот период утверждаются принципы сравнительно-исторического метода, выдвигаются грамматические концепции, которые оказывают большое влияние на становление теоретических основ русского языкознания, созревает как научная дисциплина историческая грамматика русского языка.

Стремление к философскому осмыслению лингвистических вопросов ощущается в «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» (1852) акад. И. И. Давыдова, книге, носящей на себе определенное влияние работы К. Беккера «Организм языка». Важнейшим исходным постулатом давыдовской теории является положение о тождестве языка и мышления («слово не иное что как мысль в явлении; они в сущности одно и то же», — говорил Давыдов<sup>6</sup>). Отождествление языка и мышления, неправомерное с современной точки зрения, приводит Давыдова к важному выводу об органической природе языка, позднее повторенному Ф. И. Буслаевым. «Идея организма, объемлющая слово и проникающая его во всех отношениях, — писал Давыдов в предисловии к своей книге, — должна быть путеводною идеей всякого языкознания»<sup>7</sup>. Практически понятие организма языка у Давыдова заменяет понятие системности языка, к которому приближался Давыдов, утверждая, что «в языке нет ничего отдельного» и язык «представляет во всех своих частях и отношениях особый организм»<sup>8</sup>. Давыдов интерпретирует систему языка с точки зрения выполняемых ею функций, определяя язык как «одно из отправления (functio) или необхо-

<sup>6</sup> И. И. Давыдов, Опыт общесравнительной грамматики русского языка, СПб., 1853, стр. 2.

<sup>7</sup> Там же, стр. III—IV.

<sup>8</sup> Там же, стр. 6, 11.

димых условий человеческой жизни»<sup>9</sup>. Истинное знание языка, по его словам, есть не что иное, как знание его органических отношений, ибо «отношения есть существенные элементы в мысли»<sup>10</sup>. Такое понимание языка очень близко современному, несмотря на определение его через мифический «организм». Давыдов утверждает единый предмет исследования — язык под углом зрения существующих в нем отношений: «со стороны логической язык выражает различные отношения понятий, а со стороны фонетической — различные отношения звуков»<sup>11</sup>. Различая три типа языковых явлений — звук, понятие и отношение, Давыдов в известной мере предвосхищает некоторые идеи последующего развития языкознания. Поэтому трудно согласиться с мнением акад. В. В. Виноградова, который хотя и признавал заслуги Давыдова в применении сравнительного (сопоставительного) метода, тем не менее писал, что «опыт общесравнительной грамматики русского языка» «обращен целиком к прошлому» и он будто бы не содержит «никаких зародышей и звеньев будущего»<sup>12</sup>.

Напротив, через шесть лет акад. Ф. И. Буслаев в своем «Опыте исторической грамматики русского языка» (1858) вновь возвращается к «органическому» определению языка, подчеркивая взаимоотношение в языке категорий единичного и всеобщего и вытекающий из этого взаимоотношения системный характер языка: «Все построения языка, от отдельного звука до предложения и сочетания предложений, представляют нам живую связь отдельных членов, дополняющих друг друга и образующих одно целое, которое в свою очередь дает смысл и значение каждому из этих членов. Такое взаимное отношение между частями и целым именуется организмом языка»<sup>13</sup>.

Книга акад. И. И. Срезневского «Мысли об истории русского языка» (1849) в истории русского языкознания воспринималась как программа по историческому изучению русского языка, а по богатству идей и широких обобщений представляла собой один из главнейших этапов в развитии теоретического языкознания в России.

Срезневский следующим образом формулирует задачи сравнительно-исторического изучения русского языка. Необходимо, полагает он, изучить лексику, грамматику каждого древнего памятника языка, описать каждое наречие и каждый местный говор русского языка, научно описать в грамматическом, лексическом и стилистическом отношении современный русский язык и язык писателей, а затем уже изучать русский язык в сравнении с другими славянскими языками. Только на основе всех этих изучений возможно создание полной истории русского языка. На основе сравнения родственных славянских языков и диалектов Срезневский ставит задачу восстановления первобытного русского языка во всем его строе и составе, со всеми его формами и словами.

Важное значение Срезневский придавал лексике как наиболее подвижной части языка, отражающей в своем развитии разнообразные изменения в жизни народа. Результаты своих исследований древнерусской лексики Срезневский оформил в виде трехтомных «Материалов для словаря древнерусского языка», которые до сих пор являются единственным систематическим исследованием древнерусского словарного состава.

<sup>9</sup> Там же, стр. 6.

<sup>10</sup> Там же, стр. 13.

<sup>11</sup> Там же, стр. 26.

<sup>12</sup> В. В. Виноградов, Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова). М., 1958, стр. 221.

<sup>13</sup> Ф. И. Буслаев, Историческая грамматика русского языка, М., 1959, стр. 21—22.

В «Мыслях» Срезневского содержится одно из важных положений сравнительно-исторической грамматики. Для определения степени расхождения родственных языков, говорит Срезневский, нужно взять древние состояния нескольких языков и сравнивать их между собой, затем сравнивать эти же языки в нынешнем их состоянии. Такой подход, по мнению Срезневского, дает картину исторического изменения языка. Это положение было одним из первых требований соблюдения относительной хронологии в изучении родственных языков, позднее развитое В. А. Богородицким.

В работе Срезневского ставится также вопрос о внешних и внутренних причинах, которые воздействуют на язык и изменяют его. Внешние обстоятельства, как полагает Срезневский, включают в себя «связи народа промышленные, умственные, политические, религиозные, кровнородственные с другими народами»<sup>14</sup>, а внутренние обстоятельства имеют дело с выявлением действующих в языке противоречий. Эти противоречия в языке, проявляющиеся в постоянном «борении, постоянных уступках старины новизне»<sup>15</sup>, определяют, по словам Срезневского, развитие языка. Такое понимание процесса развития языка отличает концепцию Срезневского от широко распространенной в то время натурфилософской теории двух периодов в развитии языка.

В силу неравномерности развития («в одном и том же языке не все превращается равномерно, иное скорее, иное медленнее»<sup>16</sup>) язык, по мысли Срезневского, представляет собой напластование различных слов, «разновременно образованных, древних и новых». Неравномерность развития языка, наличие в нем старых и новых элементов определяют, по мнению Срезневского, постепенное развитие языка, которое проявляется в изменении его структуры.

На развитие языка, его изменение оказывает влияние также его взаимоотношение с другими языками. В этой связи Срезневский затрагивает проблему языковых контактов. «Сроднение» народа с народом, говорит он, может привести их языки к полному изменению, и в результате таких контактов «может образоваться новый язык, по формам своим и похожий и непохожий на те, от которых он произошел»<sup>17</sup>.

Тщательное описание диалектов русского языка, собрание материалов о географическом распространении фонетических и грамматических особенностей русского языка [см. его статьи «Замечания о материалах для географии русского языка» (1851), «Этнографическая карта Европы и пояснительная статья к ней» (1849), «Русь угорская, отрывок из опыта географии русского языка» (1852) и др.] с полным основанием дают право называть Срезневского одним из основоположников лингвистической географии в языкознании.

Многие положения И. И. Срезневского были развиты в книге акад. Ф. И. Буслаева «Историческая грамматика русского языка» (1858). Благодаря богатству собранного исторического материала, теоретическому его осмыслению эта книга пролагала новые пути для развития теоретического языкознания в России. Буслаев выдвигает и успешно разрабатывает тезис о необходимости изучения истории конкретного языка в связи с историей его носителя — народа, который создал этот язык. Язык, утверждал Буслаев, является выражением не только мыслительности народной, но и всего быта, нравов и истории народа.

Понимая язык как непрерывный творческий процесс, Буслаев, тем не менее, не мог избавиться от романтико-философских построений истории

<sup>14</sup> И. И. Срезневский, Мысли об истории русского языка, М., 1959, стр. 20.

<sup>15</sup> Там же, стр. 26.

<sup>16</sup> Там же, стр. 21.

<sup>17</sup> Там же.

человеческого языка, выделяя в нем два периода — древнейший и позднейший. Вместе с тем он более правильно подходил к пониманию вопроса о развитии языка, чем, например, Я. Гримм, влияние романтической концепции которого Буслаев сильно ощущал. Гримм полагал, что языки не развиваются, а регрессируют, вырождаются, доказывая этот тезис падением флексий в германских языках. Буслаеву были чужды идеи Гримма о языковом регрессе. Прогресс языков он видел в историческом развитии народа.

Переноса представление о двух периодах в жизни языка и на русский язык, Буслаев выдвигает идею двустороннего подхода к изучению языка — исторического и логического. Историческое исследование предполагает изучение древнего периода в жизни языка. В более же позднюю эпоху, когда язык подчиняется отвлеченной логике, более уместен логический принцип в изучении языка, с помощью которого исследуется современное состояние языка. Эти два метода исследования языка взаимосвязаны: «...история языка состоит в теснейшей связи с современным его состоянием, ибо восстанавливает и объясняет то, что теперь употребляется бессознательно»<sup>18</sup>. В русском языкознании, начиная с Буслаева, утверждается положение о тесной связи двух аспектов в изучении языка, которые в дальнейшем получают разное терминологическое обозначение (этимология и синтаксис у Потебни, динамика и статика у Бодуэна де Куртене, диахрония и синхрония — в более поздний период).

Касаясь проблем исторического изучения русского языка, Буслаев отмечает, что историческое изучение русского языка должно быть тесно связано со сравнительным. Только сравнительное изучение языков может дать истинное и ясное понимание законов языка, только историческое исследование генетически объясняет то или иное употребление данной формы.

Буслаев убежден, что русский язык как целое может быть понят и изучен только в сравнении с другими индоевропейскими языками. Сравнительная грамматика, по мнению Буслаева, имеет своей целью воссоздание далекой доисторической жизни различных индоевропейских языков, соединение которых позволило бы реконструировать организм праязыка.

Буслаев говорит о необходимости ввести сравнительную грамматику в изучение истории русского языка, цель которой состоит в том, чтобы решить, чем отличается русский язык от других славянских и индоевропейских языков. Изучение истории русского языка, по мнению Буслаева, должно начинаться сравнительной грамматикой, потому что только она покажет общую всем индоевропейским языкам форму и позволит проследить постепенное падение и видоизменение этой формы в русском языке. Одним из важных требований Буслаева к сравнительно-историческим исследованиям является его указание на необходимость учета строгих фонетических соответствий в родственных языках и характера отношений между сравниваемыми языками.

История языка позволяет вскрыть и «уразуметь» законы языка. Она имеет и практическое приложение — позволяет осмысленно употреблять формы современного языка.

Буслаев показал, что историческое изучение русского языка не должно ограничиваться только литературным языком. Поскольку «господствующее, центральное наречие не могло оставаться чуждым влиянию областных», то Буслаев и говорит о необходимости «исследования провинциализмов»<sup>19</sup>. История диалектов, по мнению Буслаева, также находится в связи

<sup>18</sup> Ф. И. Б у с л а е в, [рец. на кн:] И. И. Срезневский, Мысли об истории русского языка, СПб., 1850 (отд. отт.), стр. 45.

<sup>19</sup> Ф. И. Б у с л а е в, О преподавании отечественного языка, Л., 1941, стр. 170.

с историей народа. Впервые в истории русского языкознания Буслаев обращает внимание на изучение диалектов и тем самым дает толчок к развитию русской диалектологии.

Труды Буслаева появились в то время, когда он не имел предшественников по созданию исторической грамматики русского языка. Он дал программу сравнительно-исторического изучения русского языка, которая надолго определила содержание работ по компаративистике в России.

Начиная с 70-х годов XIX в. в русском языкознании наряду с продолжающимся бурным расцветом сравнительно-исторического языкознания происходит постепенное превращение языкознания в самостоятельную науку, направленную на изучение определенного предмета — языка. Известную роль в таком превращении сыграл бурный рост естественных наук, и наиболее прямое влияние здесь оказала психология. «В успешном развитии русской психологии сыграла определенную роль и русская филология в трудах Потебни, Шахматова»<sup>20</sup>.

Русские языковеды конца XIX в. опирались на психологию, поскольку психология по своему предмету и положению среди наук того времени была тем идейным плацдармом, на котором соприкасались философия и естествознание, история и языкознание. Психология помогала языковедам последовательнее, глубже понять и выявить лингвистическое содержание их теорий.

На постановку в России психолингвистической проблематики значительное влияние оказали работы чл.-корр. Академии наук А. А. Потебни, с именем которого в русском языкознании связывается постановка в широкой степени тех проблем, которые составляют содержание так называемой «философии языка».

В лингво-философской концепции Потебни следует отметить некоторые материалистические тенденции, в какой-то мере совпадающие с рядом положений, выдвигаемых русскими революционерами-демократами. Единственным реальным миром Чернышевский, например, признавал природу как единство всех ее качеств и свойств, указывая, что «никакого дуализма в человеке не видно» и что «на человека надобно смотреть как на одно существо, имеющее только одну натуру»<sup>21</sup>. Потебня также утверждал, что дуалистический подход к объективной действительности так или иначе связан с религиозным мировоззрением. «О противоположности человека природе, — указывал он, — можно говорить разве только тогда, когда, например, так или иначе действовали на мысль теории религиозные и иные — теории дуализма (бога и черта, духа и материи и проч.)»<sup>22</sup>.

Определенный интерес представляет сопоставление следующих высказываний А. И. Герцена и А. А. Потебни. Герцен был глубоко убежден, что природа, являясь первичной, существует вечно и не может быть уничтожена: «Ничего существующего, — писал он, — нельзя уничтожить, а можно только изменить... Все, что делается в природе, — только перемена вечного, готового материала»<sup>23</sup>. Точно так же и Потебня, критикуя идеалистические учения, выводящие мир из чистого разума, божественного промысла, почти дословно повторяет Герцена: «Мы не можем себе представить создание из ничего, — пишет он. — Все, что человек делает, есть преобразование существующего»<sup>24</sup>.

<sup>20</sup> Б. Г. А н а н ь е в, Очерки развития истории русской психологии XVIII и XIX вв., М., 1947, стр. 11.

<sup>21</sup> Н. Г. Ч е р н ы ш е в с к и й, Избр. философ. соч., 3, М., 1951, стр. 251.

<sup>22</sup> А. А. П о т е б н я, Психология поэтического и прозаического мышления, «Вопросы теории и психологии творчества», 11, 2, Харьков, 1910, стр. 108.

<sup>23</sup> А. И. Г е р ц е н, Собр. соч. в 30 томах, 13, М., 1956, стр. 55.

<sup>24</sup> А. А. П о т е б н я, Из лекций по теории словесности, Харьков, 1905, стр. 129.

В философских взглядах Потебни заслуживает внимания тезис о единстве теории и практики. Этот тезис также в какой-то мере связан с философией русских революционеров-демократов. Чернышевский высказал глубокую мысль, что практика действительной жизни является «критерием всех спорных вопросов... не только в практических делах, но также в делах чувства и мысли»<sup>25</sup>. Аналогичные мысли развивает и Потебня. «Практика и теория (в широком смысле), — пишет он, — стороны, различные только мыслью, а в действительности тесно связанные...»<sup>26</sup>.

Уже здесь заметим, что в лингвистической концепции чл.-корр. Академии наук И. А. Бодуэна де Куртенэ также проявляется стремление к монизму, ибо дуализм, по его словам, находится в противоречии с монистическим направлением естественных наук. В лингвопсихологических построениях акад. Ф. Ф. Фортунатова явственно ощущается влияние великого материалиста И. М. Сеченова, с точки зрения которого познание развивается от чувственного восприятия к предметному мышлению.

Несомненно, что философия революционных демократов, которая прочно укрепляется в сознании передовой части русского общества как единственно совместимая с научным познанием человека и его психической деятельностью, не могла не оказать влияния на формирование материалистического мировоззрения русских языковедов. Этот вопрос заслуживает самого тщательного исследования в историографии русского языкознания.

Характерно, что общефилософская направленность свойственна языковедческой мысли Потебни даже в собственно грамматическом исследовании. Большое философское значение имеет учение Потебни об исторической изменчивости синтаксических категорий, отразившееся в его стадийной концепции языка. Характерная для раннего этапа конкретность восприятия предметов и явлений объективной действительности, без расчленения их на признаки и качества, находила свое выражение в именном строе языка. Усиление глагольности Потебня ставил в прямую связь со сменой мирозерцания первобытных людей, начинавших видеть в окружающем их мире не субстанциональность, а процессуальность. Грамматическим категориям существительного и прилагательного соответствовали, по мнению Потебни, гносеологические категории субстанции и качества. На материале развития этих грамматических категорий он стремился проследить, как развивалась способность человека к абстрактному мышлению.

Потебня ввел в языкознание принцип историзма в осмыслении синтаксических категорий. Предложенная Потебней схема исторического развития частей речи и соответствующих им членов предложения содержала в себе попытку вскрыть исторические закономерности развития индоевропейского предложения на различных стадиях его развития.

Потебня проводил четкое различие между фундаментальными для теории языкознания понятиями — языком и речью. Для языка в широком его смысле характерно то большее, то меньшее число явлений, а речь отличается от языка наличием многочисленных отношений одних явлений к другим.

С именем Потебни связывается идея лексической относительности, заключающаяся в том, что слово приобретает значение лишь в предложении, проявляя свои свойства только в окружении других слов, в отношении к ним. Исходя из реляционных свойств слова, Потебня подходит к выводу о деривационном характере связи между значениями. На основе противопоставленности как частного случая отношений Потебня утверждает принцип системности грамматических форм.

<sup>25</sup> Н. Г. Чернышевский, Избр. философ. соч., 1, М., 1950, стр. 180.

<sup>26</sup> А. А. Потебня, Из записок по теории словесности, Харьков, 1905, стр. 14.



Теория системности грамматических форм в сочетании с идеей лексической относительности привела Потебню к утверждению системного характера языка вообще: «Язык, система,— говорил Потебня,— есть нечто упорядоченное, всякое явление его находится в связи с другими. Задача языкознания и состоит именно в уловлении этой связи, которая лишь в немногих случаях очевидна»<sup>27</sup>.

Изучая внутреннюю синтаксическую структуру русского языка, Потебня сравнивает не отдельные синтаксические факты, а определенные синтаксические тенденции в родственных славянских языках.

Этот новый путь исторического и сравнительно-типологического изучения русского синтаксиса был развит акад. Ф. Е. Коршем в работе «Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса» (1877). Не отрицая возможности сопоставления синтаксических явлений в близкородственных языках, Корш особое значение придает изучению однородных синтаксических конструкций в языках разных типов, ибо такой путь исследования, по твердому убеждению Корша, «с большой ясностью и обстоятельностью» объясняет «развившееся данное употребление».

Наметившаяся в работах Потебни тенденция к становлению теоретического языкознания в России утверждается и развивается замечательными лингвистами-теоретиками — акад. Ф. Ф. Фортунатовым и чл.-корр. Академии наук И. А. Бодуэном де Куртенэ, которые вместе с Потебней были, по словам акад. Л. В. Щербы, «вождями лингвистической мысли у себя на родине»<sup>28</sup>.

В общелингвистической теории Фортунатова следует отметить сложное взаимодействие исторической концепции и общей теории на психологической основе. Антилогическая направленность его теории приобретает вид психологизма и формализма. Психологизм Фортунатова, сложившийся под влиянием сеченовского понимания ассоциации как совокупности рефлексов, — тесно связанных с конкретным раздражителем и обусловленных суммой прежних воздействий, может быть понят как рефлексологический психологизм, в котором каждая предыдущая стадия восприятия есть психологический субъект для последующей, являющейся психологическим предикатом, т. е. определением предшествующей. Психологизм у Фортунатова проявляется в понимании речи; психологическое суждение, по Фортунатову, выражающееся в психологическом предложении, является психологическим актом коммуникации, а не языковой структурой. Когда же предложение грамматически оформлено, т. е. отношения между его компонентами выражены формально, оно становится языковым (по Фортунатову, грамматическим) предложением. Именно формы слов делают предложение полным грамматическим предложением. Синтаксическая концепция Фортунатова зиждется на учении о форме слова и вытекающем отсюда учении о форме словосочетания.

Форма слова выделяется Фортунатовым путем двойного сравнения, или противопоставления основных и формальных принадлежностей слова. Учение о форме слова позволило Фортунатову представить формо- и словообразовательные категории как микросистемы грамматической структуры. Выявление Фортунатовым формы слова и словосочетания из соотносительности членов грамматической парадигмы, указание на необходимость принимать во внимание существующие в языке отношения, понятие нулевой флексии было тем новым в лингвистике, что отличало взгляды Фортунатова от предшествующей лингвистической традиции.

<sup>27</sup> А. А. Потебня, Психология поэтического и прозаического мышления, стр. 108.

<sup>28</sup> Л. В. Щерба, Ф. Ф. Фортунатов в истории науки о языке, ВЯ, 1963, 5, стр. 89.

Продолжая традиционную для русского языкознания тему взаимосвязи истории языка и истории общества, Фортунатов выдвинул тезис о связи истории общества с внешней и внутренней историей языка. Внешняя история, по мнению Фортунатова, определяется той тесной связью, которая существует между языком и обществом, а внутренняя история языка присуща индивидууму.

Сравнительно-историческое языкознание обязано Фортунатову разработкой важнейшего закона об акцентных соотношениях в индоевропейских языках, стимулировавшего исследования европейских языковедов в этой области. На материале балто-славянских языков Фортунатов установил наличие двух форм долгот — длительной и прерывистой, влияющих на тот или иной тип ударения. В работах Фортунатова «О сравнительной акцентологии литво-славянских языков» (1880), «Об ударении и долготе в балтийских языках» (1895) получила свое оформление классическая теория общеславянского и общеиндоевропейского ударения, характеризующаяся определенными соответствиями в балто-славянских и общеиндоевропейском языке: была установлена связь между дифтонгами и дифтонгическими сочетаниями индоевропейского праязыка с краткими сонантами и циркумфлексной интонацией в балтийских и славянских языках.

По мнению Фортунатова, «сравнительное исследование по отношению к общему происхождению и историческое изучение тех же языков и их ветвей в отдельном существовании так неразлучно связаны между собою, что полное научное исследование индоевропейских языков может быть только сравнительно-историческим их исследованием»<sup>29</sup>.

Этот впервые провозглашенный Фортунатовым синтез сравнительного и исторического изучения родственных языков положил конец господствовавшему до того времени сравнительному исследованию и явился определяющим в становлении сравнительно-исторического языкознания.

В исследовательской практике Фортунатова как компаративиста этот синтез проявился в том, что он обращал большое внимание на разработку методики реконструкции индоевропейского праязыка, изучение его звукового состава в историческом развитии, выявление и сравнение древнейших эпох в их развитии, первых моментов его обособления, а затем его состояния накануне распада на крупные диалектные группы.

Учение Фортунатова о внешней истории языка и социальной обусловленности его дифференциации нашло свое продолжение в работах акад. А. А. Шахматова, научно-исследовательская деятельность которого в области истории русского языка, современного русского языка, диалектологии была подчинена цели познания исторического процесса появления русского языка и народности.

Восприняв от Фортунатова принципы сравнительно-исторического изучения языка, Шахматов в своих фундаментальных «Исследованиях в области русской фонетики» (1894), «К истории звуков русского языка» (1903), особенно в «Очерке древнейшего периода истории русского языка» (1915), посвященного вопросам фонетики, пытается воссоздать общерусский праязык во всех его фонетических подробностях путем сравнительно-исторического сопоставления данных древних и современных русских диалектов, с привлечением данных других славянских языков.

Жизнь языка, говорил Шахматов, протекает параллельно и согласно с другими явлениями в жизни народной. Этот принцип отразился в работах Шахматова, посвященных проблеме возникновения русского народа и

<sup>29</sup> Ф. Ф. Фортунатов, Сравнительное языковедение. Литографический курс лекций, читанных в 1883/84 уч. г., стр. 43—44.

культуры в отражении языка и письменности, особенно в «Древнейших судьбах русского племени» (1919), где Шахматов прослеживает миграцию славянских племен, ее пути и т. д.

Рассмотрение культурно-исторических процессов развития русского народа в тесной связи с историей русского языка позволило Шахматову внести определенные коррективы в представления о политической жизни древней Руси.

Культуроведческий и сравнительно-исторический подход сочетался у Шахматова с интересом к общезыковедческим проблемам. В исследованиях по вопросу образования русского племени Шахматов выступает как социолог языка, исследующий язык в связи с социальными преобразованиями в обществе.

Синтаксическая концепция Шахматова, наиболее полно выраженная в «Синтаксисе русского языка» (1925), покоится на коммуникативно-психологической теории. При общей психологической установке «Синтаксиса» Шахматова не удовлетворяет учение о психологических субъекте и предикате. В своей теории он исходит из того, что лингвистической реальностью является речевая деятельность, имеющая целью «сообщение другим людям состоявшегося в мышлении сочетания представлений»<sup>30</sup>. А речевая деятельность в ее коммуникативной функции осуществляется в предложении, являющимся первоосновой языка.

Теория «психологической коммуникации» Шахматова, при общем признании взаимосвязи языка и мышления, направлена на поиски той единицы мышления, которой соответствует предложение.

Одна из знаменательных страниц в истории русского языкознания конца XIX в. была написана чл.-корр. Академии наук И. А. Бодуэном де Куртенэ. «Он был одним из пионеров языкознания как науки в России, — писал о нем А. А. Шахматов. — Ему принадлежит приоритет в открытии, перевернувшем ход развития науки о языке, и имя его в иностранных учебниках цитируется как имя одного из основателей русской школы лингвистов»<sup>31</sup>.

К интерпретации языковых фактов Бодуэн де Куртенэ в ряде случаев подходил со стихийно-материалистических позиций. Бодуэн де Куртенэ определяет сущность языка с функциональной точки зрения, видя эту сущность в речевой деятельности, в речевом функционировании. Эта идея в дальнейшем была разработана пражскими лингвистами.

Развивая положение В. Гумбольдта о том, что язык как функциональная реальность является энергией, а не эргоном, в 1870 г. во вступительной лекции в Санкт-Петербургском университете («Некоторые общие замечания о языковедении и языке») Бодуэн де Куртенэ предложил выделить «речь человеческую вообще», отдельный язык и индивидуальный язык отдельного человека. Общеизвестно, что у Бодуэна де Куртенэ не было постоянного и единообразного понимания соотношения между языком и речью, но необходимо подчеркнуть, что язык и речь он рассматривал в тесном, взаимопроникающем единстве.

Бодуэн не только рассматривает язык как социальное явление (эта концепция в русском языкознании достаточно прочно закрепилась в конце XIX в.), но впервые обращает внимание на социальную дифференциацию языка, всячески подчеркивая тот факт, что существующие в обществе социальные связи обуславливают существование языка. По его мнению, языкознание как наука психологично-социологическая должно иметь не только теоретический, но и прикладной характер.

<sup>30</sup> А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, Л., 1941, стр. 19.

<sup>31</sup> ЛО АН СССР, ф. 134, оп. 1, д. 429, л. 37.

Стремление раскрыть внутреннюю, содержательную сторону привело Бодуэна де Куртенэ к пониманию системы языка на основе принципа релятивности. Все части языка, по утверждению Бодуэна де Куртенэ, связаны между собой отношениями значения, формы, звучания. Бодуэн рассматривает систему языка как исторически изменчивую категорию, выделяя в языке микро- и макросистемы на различных уровнях языка. Понятие системности языка у Бодуэна де Куртенэ тесным образом связано с понятием языка как системы знаков, как совокупности «множества случайных символов, связанных самым различным образом»<sup>32</sup>.

Всю концепцию Бодуэна де Куртенэ пронизывает идея «эволюционного» подхода к языку, которое должно стать «основой лингвистического мышления». Вместе с тем для Бодуэна важно и изучение языка в данный момент его существования. К пониманию взаимоотношения динамики и статики Бодуэн де Куртенэ подходит диалектически: статика для него есть частный случай динамики.

Непримиримый к догматизму и всему рутинному, Бодуэн де Куртенэ впервые подвергает сомнению господствовавший в XIX в. сравнительно-исторический метод как единственный метод лингвистического исследования. Он требует также заменить морфологическую классификацию и выдвигает иные классификационные требования, которые основывались бы не на предвзятой, «сомнительной» идее об исторической последовательности языковых морфологических типов, а на выяснении сходства и различия в родственных и неродственных языках. Такой подход, по его словам, позволит обнаружить функциональные и структурно общие черты и различия в области фонетики и морфологии в родственных и неродственных языках. Бодуэна де Куртенэ с полным основанием можно назвать основоположником типологического изучения языков в России.

Его исследования в области фонологии во многом предопределили пути развития современных фонологических теорий, а комплекс рассмотренных им общелингвистических проблем нашел свое место в общем языкознании как теоретической дисциплине.

Типологические идеи Бодуэна де Куртенэ были продолжены его учеником — чл.-корр. Академии наук В. А. Богородицким, который наряду с генетическим сравнением языков выдвинул тезис об «аналогическом» их изучении, т. е. сравнении одинаковых явлений и в неродственных языках. Сравнение языковых явлений в родственных индоевропейских языках имело своей целью выяснение соответствий между этими языками; «аналогическое» же сравнение, по словам Богородицкого, заключается в систематическом и углубленном сравнении морфологических и синтаксических структур языков, принадлежащих к разным семьям. Богородицкий выступил против разобщенного изучения исторического развития и типологических исследований и стремился, как и Бодуэн де Куртенэ, к их объединению. Эта линия развития русского языкознания впоследствии была продолжена представителями пражского лингвистического кружка.

Свежие идеи Богородицкий внес и в, казалось бы, разработанную область компаративистики. Искусственность реконструируемых форм пражского, плоскостной характер реконструкции побудили его заняться определением хронологической последовательности развития языковых фактов и их сравнением в отдельных группах языков в определенные моменты их исторического развития.

Приведенный выше по необходимости краткий обзор развития русского теоретического языкознания, в разработку которого внесли большой вклад

<sup>32</sup> И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избр. труды по общему языкознанию, 1, М., 1963, стр. 209.

выдающиеся отечественные деятели Академии, позволяет сделать некоторые общие выводы. Прежде всего, характерной особенностью русского языкознания в освещении общезыковедческой проблематики является философская направленность, которая предопределила синтезирующий подход к исследованию языка. При различном понимании роли индуктивных и дедуктивных методов исследования языка общим для всех русских лингвистов был подход к языку как деятельности. Существование языка русские языковеды мыслили как его развитие. Дихотомия статики и динамики пронизывала все их концепции. Язык определялся как один из феноменов, входящих в психическую деятельность человека. Поскольку человек является существом социальным, язык рассматривался с точки зрения выполняемой им коммуникативной функции. Понимание функциональной значимости языка приводило к членению его на непосредственно данную «речь» и «язык», т. е. систему правил языкотворчества, основанную на релятивных свойствах единиц языка.

Сравнительно-историческое изучение языков у русских языковедов связывалось с изучением собственно лингвистических, социальных, культурно-исторических и других явлений. Вопросы развития русского языка были неотделимы от вопросов появления русского народа. Истоки важнейших моментов лингвистической концепции современной теории языка — понимание языка как системы, его знакового характера, социальной обусловленности языка, разработка структурной типологии родственных и разносистемных языков, принцип историзма — прослеживаются уже в классическом русском языкознании XIX в.

Многосторонняя ориентация русских лингвистов, связанных с деятельностью Академии, находит свое продолжение в трудах советских языковедов уже на иной философской базе — теории марксизма-ленинизма, помогающей глубже исследовать «вечные» проблемы языка.